

Глава 14: Странная процессия

Когда он добрался до входа в деревню, Лу Жун остановился и спрятался за большим деревом, чтобы заглянуть внутрь. Он чувствовал, что что-то не так, но не мог сказать точно, что именно, пока не подул ветер. Он поднял нос, принялся и, наконец понял.

Точно, запах дяди Бая исчез, и остался холодный, странный запах, полный неведомых опасностей, который заставлял его сопротивляться.

Деревня напоминала соседнюю деревню, которую они с дедушкой Цаем проезжали, усеянную маленькими дворами и домиками, а часть в центре, казалось, была освещена. Было почти темно, когда Лу Жун убедился, что нет ничего необычного, он тихо вышел из-за большого дерева.

Шэнь Цзицзе крепко спал и даже не видел снов, но вдруг его сильно толкнули, и ровный голос призвал: "Поторопись и двигайся, не стой на месте."

Он мгновенно проснулся, открыл глаза и обнаружил, что лежит не в постели, а в дикой местности. Впереди, позади, справа и слева были люди, а он был зажат между ними, казалось бы, изначально двигаясь в определенном направлении.

"Поторопись и двигайся, не стой на месте", — снова позвал голос.

Шэнь Цзицзе повернул голову, чтобы посмотреть, и оказался почти рядом с большим белоснежным лицом, он был настолько напуган, что чуть не закричал.

Обладательница этого лица отступила на шаг и посмотрела на него, в ее узких, безмолвных, как смерть, глазах не было никаких эмоций.

Только тогда Шэнь Цзицзе ясно увидел, что это была женщина средних лет в красно-зеленом. Морщинистое лицо было выкрашено в белоснежный цвет, густая пудра застряла в бороздах дряблой кожи, губы были кроваво-красными, а на щеках два круглых красных пятна.

Если бы он увидел это появление нормально, он определенно нашел бы это забавным, но в этот момент он чувствовал, что это было странно.

Шэнь Цзицзе тоже сделал шаг назад, но неожиданно наткнулся на человека, стоявшего позади него. Как только с его губ подсознательно сорвались сожаления, он услышал хихиканье от людей позади.

Шэнь Цзицзе быстро повернул голову и увидел маленькую девочку.

Маленькая девочка была примерно его возраста, одета в красное атласное платье и черный жакет-мандарин, на голове были у нее пучки, с одной стороны было два пучка, а с другой один. Как и у женщины средних лет, ее лицо было выкрашено в белый цвет, но щеки и губы были ярко-красными.

Шэнь Цзицзе видел такие костюмы только в старомодных телевизионных драмах.

"Хи-хи", — маленькая девочка вновь улыбнулась ему.

Но ее глаза были пусты, радости она не чувствовала, она только ухмылялась и издавала звук, как ни смотри, это было ненормально.

Из-за его движения марширующая до этого команда остановилась, и все тихо повернули головы в сторону Шэнь Цзицзе.

Только тогда Шэнь Цзицзе понял, что все люди в этой процессии были одеты в длинные платья, их лица были выкрашены в белый цвет, а на щеках были два круглых красных пятна. Глаза не двигались, они просто тупо смотрели в его сторону.

Впереди процессии стоял черный деревянный паланкин с привязанным к нему большими красными цветами, паланкин несли несколько человек, и неизвестно, кто сидел внутри.

"Поторопись и двигайся, не стой на месте", — снова повторила женщина средних лет и протянула ему деревянную коробку.

Шэнь Цзицзе посмотрел вниз на коробку и увидел, что на нем странная одежда: он был одет в то же красное платье и черный жакет, что и девочка. Он не знал, что сейчас происходит, ему просто было страшно, все так странно и пугающе, что хочется поскорее убраться отсюда.

Увидев, что женщина средних лет все ближе и ближе подносила деревянный ящик, он вдруг набрался смелости, протянул руку и отшвырнул ящик, развернулся и бросился к полю слева от него.

Позади него раздался звук падающего на землю деревянного ящика, и толпа, казалось, зашевелилась. Он не удосужился оглянуться назад и использовал самую большую силу в своей жизни, чтобы броситься вперед, как когда он раньше убегал от демона-оленья.

К счастью, он уже испытал ужас от встречи с демоном-оленем, поэтому не был настолько напуган, чтобы громко плакать.

В его ушах был лишь свист ветра, и не было слышно шагов, преследующих его, Шэнь Цзицзе рванул вперед изо всех сил и остановился, только тогда, когда он уже не мог бежать, он схватился за ближайший камень, чтобы отдышаться.

Отдышавшись, он начал раздеваться и после грубого рывка снял с себя черный жакет-мандарин и красное платье и бросил их на землю.

К счастью, он все еще был в своей дневной футболке и шортах, так что ему не придется бегать голышом.

Почему мне снова снится этот ужасный сон? — спрашивал сам себя Шэнь Цзицзе, оглядываясь по сторонам, чтобы увидеть, что происходит вокруг него.

В темноте он не видел, что это пустырь, размером с футбольное поле, на котором было полно больших и маленьких куч земли.

Вдалеке, окутанный густым и хаотичным туманом, в промежутке между кочками земли, ему казалось, что за ним наблюдает несколько пар глаз.

Шэнь Цзицзе широко раскрыл глаза и попытался определить, что за кучки, и обнаружил каменные таблички были перед каждой кучкой с землей.

Внезапно он о чем-то подумал и посмотрел на камень, за который держался.

Конечно же, там была также каменная табличка с выгравированными на ней мелкими буквами, и он опирался на кучку земли за каменной табличкой.

Это... это кладбище.

Шэнь Цзицзе отскочил в сторону, как от удара током, потные волосы встали дыбом, и он торопливо отряхнул спину, которая только что опиралась на кучку грязи.

Похлопав себя по спине и рукам, он в страхе огляделся.

Вернуться назад тем же путем сейчас невозможно, та группа людей была слишком пугающей. Скоро потемнеет, так что он не мог оставаться на кладбище.

Даже если это сон.

Взошла луна, осветив все кладбище белым светом, Шэнь Цзицзе шел между могилами, желая выйти с другой стороны. Подул ветер, и несгоревшая желтая бумага взлетела вверх и закружилась в воздухе, неся тяжелый запах гари и зловоние земли.

Он старался не обращать внимание на происходящие со всех сторон, но могилы все равно бросались в глаза.

Некоторые курганы были старые, размытые дождями, какая-то часть каменных табличек тоже была покосившийся, а слова на них были расплывчатыми. Были даже моменты, когда он чувствовал что-то неладное под ногами и понимал, что ступает по небольшому бугорку, от которого осталась только половина.

Однако некоторые могилы были совсем новые, с белыми ленточками с двух сторон, в землю воткнуты бумажные цветы, а подношения перед памятниками все еще не были сломаны.

Шэнь Цзицзе в отчаяние шел вперед, повторяя в своем сердце: "Это сон, не бойся, это просто сон, каким бы реальным он ни выглядел, это все еще сон."

Ветер дул в его мокрую от пота спину, вызывая мурашки по спине.

Папа... Мама... Дядя... Кто-нибудь, разбудите меня... Шэнь Цзицзе хотел заплакать, но он сдерживался. Ведь мужчины не плачут.

Он был почти в конце кладбища и шел быстро, но как только он миновал новую могилу и раздвинул рукой белую ленточку перед собой, он внезапно остановился. Он заметил, что бумажный человек рядом с ним был очень знакомым. Размером с человека, в красном платье и черном жакете-мандаринке, с большим белым лицом, красными щеками и губами, изогнутые в странную дугу.

— Выглядит также, как и люди в процессии, с которыми он встретился ранее.

Шэнь Цзицзе уставился на бумажного человека, и его дыхание стало прерывистым. Немного успокоившись, он рванул вперед и выскочил наружу.

Он больше не обращал внимание на дорогу под ногами, за исключением высоких могил, где он делал небольшой крюк, он шел прямо через небольшие могилки. По пути он опрокидывал тарелки с жертвоприношениями, вызывая бесконечные позвякивания.

Вокруг были разбросаны какие-то белые предметы, напоминающие кости, но он не удосужился присмотреться, он просто перепрыгивал через них и мчался вперед. Иногда, когда он не мог перепрыгнуть, он наступал прямо на них, и слышал треск.

Когда он уже собирался выбежать с кладбища, он резко остановился. Под лунным светом, рядом с кладбищем стояла процессия, которую он встретил ранее, она остановилась прямо перед ним, и все смотрели на него, не двигаясь.

Он не знает, как долго они так стояли.

Женщина средних лет стояла возле черного деревянного паланкина, увешенного красными цветами, и держала в руках сложенное красное платье и черный жакет, словно ждала его.

Шэнь Цзицзе наконец заплакал, ему было наплевать, что мужчины не плачут или то, что он вытирает слезы. Он стиснул зубы и плакал до тех пор, пока все его тело не задрожало.

Он хотел открыть рот, чтобы позвать хоть кого-то, будь то его родители, дядя или дедушка Цай и Лу Жун, его голос застрял в горле, не в силах произнести хоть одно слово.

В мертвой тишине женщина средних лет вышла вперед, молча встряхнула одежда в своих руках и начала одевать Шэнь Цзицзе сначала в красное платье, затем и в черный жакет. Ее движения были жесткими и скованными, но очень сильными. Шэнь Цзицзе хотел было убежать, но она потянула его за руку и посмотрела на него убийственным взглядом.

Шэнь Цзицзе обнаружил, что тело ему больше не принадлежит, поэтому он бесконтрольно поднял руки и повернулся, повторяя движения женщины, которая его одевала.

Он открыл рот и беззвучно заплакал.

Плачь, который невозможно было издать, болезненно отдавался в печень и кишки.

Надев одежду, женщина средних лет бесстрастно попятилась, взяла деревянную коробку у рядом стоящего мужчины, передала ее Шэнь Цзицзе и подала ему знак вернуться в процессию.

Процессия продолжила свой путь в лунном свете, молча, и лишь изредка доносились резкие и грубые крики старых воронов.

Шэнь Цзицзе шел среди них с мертвым сердцем, держа в руках деревянный ящик.

Маленькая девочка рядом с ним снова рассмеялась.

Его руки задрожали, и он чувствовал, что больше никогда в своей жизни не захочет слышать: "Хи-хи".

Шэнь Цзицзе не знал, куда он идет и что собирается делать, этот сон был выше его понимания, он был настолько реалистичным, что не был похож на сон.

Нет, нет, это сон.

Он отказывался это признавать.

Пройдя некоторое время, впереди появились огни, отражающие очертания затененных домов.

Это деревня? Есть ли там кто-нибудь?

Шэнь Цзицзе вздрогнул, и в его сердце зародилась надежда.

Были там люди или нет, деревня и огни были присущи людям и это немного отгоняло его страх.

Мужчина в длинной тунике, шедший впереди, остановился и крикнул хриплым и жестким голосом: "Включить музыку..."

Зазвучала сона (1), скорбно пронзающая тишину ночи, за ней последовал звук гонга, звук близки и одновременно далекий. Без чьего-либо приказа, шедшая до этого группа остановилась, и Шэнь Цзицзе тоже остановился.

(Сона — китайский инструмент, формой похожий на арабо-персидскую зурну, то есть духовой инструмент)

Вскоре после этого перед горной дорогой появилась группа людей, идущая в их направлении и остановившаяся перед ними. Лидер группы ехал верхом на высокой лошади, он был одет в красное платье, с большим красным цветком на груди, он выглядел, как жених.

Бешено колотящееся до этого сердце Шэнь Цзицзе не успокоилось из-за прибытия группы людей, а стало еще более испуганным.

Не говоря уже о том, что наряд жениха не был современным, его лицо было таким же, как и у всех присутствующих, выкрашено в белый с красным щеками, а уголки рта преувеличено ухмылялись.

Звук соны и гонга стал еще громче, отчего лоб Шэнь Цзицзе дернулся.

После того, как группа жениха присоединилась к ним, черный деревянный паланкин, который только что был опущен, снова подняли и все дружно двинулись в сторону деревни.

Шэнь Цзицзе, держа деревянный ящик, напряженно двинулся за процессией.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326843>